

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Англискомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. ст.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15c

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ IV. — N 11-й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE 1-14 ЮНЯ 1900

Въ недѣлю Пятидесятницы.

Преславная днесъ видѣша вси языци во градъ Давидовъ, егда Духъ сниде Святый во огненныхъ языцѣхъ, якоже благоглаголивый Лука повѣствуетъ, глаголетъ бо: собраннымъ ученикомъ Христовымъ, бысть шумъ, якоже носиму дыханію бурну, и исполни домъ, идѣже бяху сѣдяще: и вси начаша глаголати странными глаголы, странными учени, странными повелѣніи Святыя Троицы.

О Душе премудрости и страха Божія, истины, совѣта и разума, миръ подавай, вселися въ ны, яко да освятившеся Твоимъ вселеніемъ, изъ ноци утреннююще, славословимъ Тя Человѣколюбче.

Спаси Утѣшителю вѣрно поющихъ боголѣпное пришествіе Твое, и очисти отъ всякія скверны, яко благоутробенъ, и покажи достойны Твоего осѣянія, и свѣтомъ Твоимъ боговиднѣйшимъ сотвори я нескверненна зерцала.

On the Holy Sacraments of the Orthodox Church.

from LECTURES delivered by
HERMOGEN Bishop of Pskof and Porkhof.
(Translated from the Russian by Zenaide A. Ragozin).

The Baptismal Rite.

The rite of Baptism consists of a great many ceremonies, which may be divided into five groups or sets: 1.) those which are performed before Baptism, and independently from it;—2.) those which may be designated as the preliminaries to Baptism, but are performed at the same time with it; 3.) those which constitute Baptism proper; 4.) those which belong partly to Baptism, partly to Confirmation;—5.) those which follow after Confirmation.

1.—*Ceremonies performed before Baptism and independently from it.*

These are: a) *the prayers for a woman when she has given birth to a child, and—* b) *the prayer at naming the child.* The Greek and Slavic rituals direct that the prayer for the mother be recited on the first day after the child's birth, and that at naming the child on the eighth; but it is now customary to recite both at the same time.

a.) The prayers for the mother are three. Their essential features are: petitions for the forgiveness of her sins, for the restoration of her health and the preservation of her life and that of the child to which she has given birth. These prayers are unaccompanied by any ceremonies.

b.) The essential feature of the prayer at the naming of a child consists in the petition offered by the priest after naming it, that the Christian name conferred upon the babe may abide by it, inalienably, and that it may, by living as becometh a Christian, in the observance of God's commandments, become worthy of inheriting the Kingdom of God. Only two ceremonies ac-

company this prayer: one precedes it, the other follows it. Before beginning the prayer, the priest blesses the brow, the lips, and the breast of the infant. After he has recited the prayer, he takes up the babe and raising it in his hands, moves it in front of the holy ikons so as to simulate the sign of the cross, reciting at the same time the Troparion of the Feast of the Presentation of our Lord in the Temple (Candlemas):—, *Hail, Virgin Mother of God, full of grace! for from thee shone forth the Sun of righteousness, Christ our God.*" All these ceremonies, viz: the blessing of the babe by the priest in the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Ghost,—the giving to it of a Christian name, the motion in the shape of the cross imparted to the child's body by the priest's hands before the holy ikons,—all these signify one common thought, namely that the child lately born in a Christian family, although not as yet a Christian, because not yet baptized, is already separated, taken out, from the midst of, let us say, heathens, Jews, and Mohammedans, who do not recognize the One God in Three Persons, nor pay reverence to holy ikons, do not bear Christian names, nor receive the protection of priestly blessing.

A newborn child in a Christian Orthodox family is usually given the name of some Saint, who, from that moment, becomes his special guardian and protector and intercedes for him in his prayers before God. Therefore a name should never be mutilated or distorted, nor should unusual names be given, or such as lend themselves to mispronunciation. And names in general use should not be altered at will, or, especially, pronounced in some diminutive form, expressive of anger or contempt towards the bearer of the name. I will not even mention how indecent and wrong it is to give Christian names to animals, as

some foolish persons sometimes do. But there is of course no objection to the use of diminutives as pet names and expressions of endearment.

What names should be given to newborn babes is not specified by any canonical rule. In the Slavic rituals and the Greek Euchologies it is only said that the name of a Saint is given, whose memory is celebrated by the Church on the eighth day after the infant's birth. In South-Western Russia they are fond of naming the child for the Saint whose feast falls on the day of its birth, because birth is so important an act in a child's life that we should thank God for the favor of awarding to it the name of the Saint under whose auspices it was born. In Great Russia they prefer the names of those saints whose memory is celebrated on the day of baptism, for the reason that every man knows the day of his birth, but the day of baptism can be recalled only by associating it with the saint on whose day it took place. In Bulgaria there is a predilection for the names of grandparents. It seems best to leave the choice of a name to the babe's parents, especially to the mother, who should be asked to what saint she prayed more particularly through all the months preceding the child's birth, or on the very day of its birth.

II.—*Ceremonies preliminary to Baptism, but performed at the same time with it.*

The preliminaries to Baptism, according to the rulings of the Orthodox Church, are the following: a) *the Rite of Reception among the Catechumens*;—b) *the Renunciation of the Devil*;—and c) *the Joining to Christ*.

a) The custom of receiving a neophyte among the Catechumens is based, beyond all doubt, on the words of Christ: „Go ye, and teach all nations”, and „he that believeth and is baptized shall be saved”. It follows that it behoveth first to teach a person the

dogmas of the faith and only then to baptize him. Accordingly we see in the practice of the Apostolic Church, among other instances, that the holy Apostle Philip first preached Christ's teaching in Samaria, and only then „they were baptized, both men and women (Acts 18, 12), and therefore reception among the Catechumens, in some form or other, appears to have existed in all Christian communities. In the early Church Catechumens remained in this stage not less than 40 days, which term was shortened only for sick persons. In Russia it lasted from 8 to 40 days. According to the ritual of the Orthodox Church, this rite is composed of the following ceremonies: the priest breathes thrice in the neophyte's face and on his breast, blesses him thrice, recites the *preliminary prayer*, laying his hands on the infant, and the three *Exorcisms*, after which he again breathes thrice on the infant, uttering the words: „Drive from him every evil and unclean spirit hiding and lurking in his heart”. All these ceremonies are very ancient: it was by breathing, blessing and reciting of prayers that, in the earliest times, the Jews and the heathens who had declared their desire to become Christians, were prepared for the hearing and study of the dogmas of the Orthodox doctrine. Thus the ceremony of breathing is referred to in the 7-th ruling of the 1-st Œcumenic Council; those of breathing, blessing and imposition of hands are mentioned by the Blessed Augustine, by St Gregory Theologus (in his book on the Sacraments), and in the Apostolic Ordinances. The ceremony of breathing is motivated as follows: As God, when He had formed the body of the first man of the dust of the ground, „breathed into his nostrils the breath of life, and man became a living soul (Gen. 2, 7), so when man is regenerated through the Sacrament of Baptism, he, in order to receive the new spiritual

life, is first of all breathed upon thrice. Soon after our first parents had been created, the Devil, as we know, tempted them and instigated them to violate the command of God. It is possibly in reference to this that the three Exorcisms are recited—or more correctly, the three *prohibitory* prayers, in which the priest, in the name of God, forbids the Evil One to touch the Catechumen.

b) *The Renunciation of the Devil* consists, in our ritual, of four ceremonies: turning the Catechumen and sponsors with their faces to the West,—uttering the formula of renunciation,—blowing,—and spitting. We saw above that the priest, in the name of God, forbids the Evil One to touch the Catechumen. Now he interrogates the Catechumen himself, asking whether he, of his own free will, consents to have no communion whatsoever with him. The renunciation is mentioned, among others, by St. Cyprian, Bishop of Carthage. The Catechumen and his godfather take their stand with their faces to the West, because the Devil, whom the Catechumen directly addresses when he renounces him, is a power of darkness, and his is the Kingdom of darkness: „*What communion hath light with darkness? And what concord hath Christ with Belial?*” (II Corinth. 6, 14–15). The formula of renunciation is as follows: the priest asks the Catechumen thrice „*Dost thou renounce Satan and all his works, and all his angels, and all his service, and all his pomp?*” and the Catechumen each time answers „*I do.*” Then the priest asks again three times „*Hast thou renounced Satan?*” and he answers each time „*I have.*” Lastly, at the priest’s command, „*Then blow and spit on him*” (*i. e.* on Satan); he blows and spits down on the ground, as though on Satan. According to the Greek Euchology and our own Ritual, the Catechumen (or his godfather for him), while renouncing Satan, holds his

hands slightly uplifted, although this is no longer observed in our church: this attitude indicates bold defiance of him who is renounced, just as, in our own familiar speech, when our manner is excited and defiant towards our inferiors, our hands almost involuntarily raise themselves as though to strike. In old times and in certain localities, the sponsors, in the act of renunciation, repeated five times, with hands uplifted: „*I have none of thine evil; nothing is hidden on my person; I nowhere keep or conceal anything.*” (The Ritual of the Josephan edition prescribes the renunciation with hands hanging down). The acts of blowing and spitting are, of course, symbolical of contempt for him whom the Catechumen renounces.

c) *Joining Christ.* We say of a husband and wife that they are „*joined in love.*” Who, then, in this case, is joined to whom? Who is the bridegroom and who the bride? The Bridegroom is Christ Himself, Whom the Church so designates: „*Lo, the Bridegroom cometh in the night;*” the bride is, in general, the Church of Christ, and in particular, each Christian soul holding the Orthodox faith, since of such the Church is composed. As the priest, before performing the marriage ceremony, asks the bride whether she is marrying the groom of her own free will, so before performing the ceremony of baptism, he asks the bride of Christ—the Catechumen’s soul „*Dost thou join thyself to Christ?*” *i. e.* „*is it thy wish to enter into such close union with Christ as that into which the bride enters with the bridegroom?*” This question is repeated three times, and each time the answer is „*I do.*” Then the priest asks: „*Hast thou joined thyself to Christ?*” and the Catechumen or the sponsor answers „*I have.*” and to the priest’s question: „*And dost thou believe in Him?*” he answers „*I believe in Him as King and God.*” These questions

and answers are also repeated three times, and after each answer the Creed of the Councils (of Nicea and Constantinople) is recited; it should therefore be recited three times, but it is generally done only once. Lastly the priest asks three more times „*Hast thou joined thyself to Christ?*”, and three times hears the answer „*I have:*” after the third answer he says „*Bow thyself also unto Him*”, to which the Catechumen—or his sponsor—replies „*I bow myself to the Father, and to the Son, and to the Holy Ghost, to the Trinity consubstantial and undivided.*” All this ends with the priest praying that the Lord may count the Catechumen worthy to receive holy Baptism, and lighted candles are given to the sponsors. Thus the ceremony of joining Christ resembles in form, though not in substance, that of renouncing the Devil. For the later the sponsors stand with their faces to the West, for the former they turn towards the East, because they now are dealing with Christ, Who is Himself called „the Orient” (*Orient is His name*) and the Light which illumines every human being that comes into the world. In both ceremonies the substance lies in the questions and answers, The church rules that, when renouncing the Devil, the answers shall be given with hands uplifted, and, when joining Christ, with lowered hands, in token of respect to Christ, Who is the person addressed (although the Josephan Ritual here also prescribes hands uplifted). The renunciation ends with the acts of blowing and spitting, symbolical of contempt, while the other ceremony ends with a salutation, symbolical of reverence and submission.

The ceremony of joining Christ is also very ancient: it is mentioned in ruling 78 of the VI-th Œcumenic Council and 46 of the Council of Laodicea. In this ceremony the Creed is inserted into the series of questions and answers. According to the

original statute of the Church, it should be recited three times by the Catechumen himself if he is an adult, or by his god-father if he is an infant. But with us it is usually recited only once, and that by the reader: The Creed is inserted here because of the words of the Savior, „*he that believeth and is baptized shall be saved*”, which imply that a study of the dogmas of the faith should precede the baptism, in order that the neophyte may know in what and in whom he is to believe. Hence the Catechumen's reciting of the Creed is to serve as test whether he has sufficiently studied the dogmas of the faith—a sort of examination for admission into the Church of Christ, that holy school of grace which prepares us here on earth for our transmigration into Heaven.

At the end of two above-described ceremonies, the sponsors are given lighted candles; others are placed around three sides of the font, on its margin. Neither in the Slavic Ritual nor in the Greek Euchology is any mention made of the candles: but there is no doubt that wax candles have always been burned during baptism, because such were burned during all services. Thus the Apostle Paul tells in one passage how, in the upper chamber where the Christians were celebrating the Liturgy and breaking bread, *there were many lights* (Acts, 20, 8.) In the rulings of the Apostles and of the Councils mention is made of the wax, which it is allowed to bring into the churches together with other articles required for worship. We see from history among other things that under Constantine the Great the church at Constantinople was illumined, on the Vigils of the Nativity and the Epiphany, with lamps and wax candles. It is customary with us to give the sponsors the candles after the ceremony of joining Christ, doubtless because at this moment the prayer is recited calling the Catechumen to be illumined by holiness

and asking that he be counted worthy of receiving the great grace of holy Baptism. In the Uniate ritual of Athanasius Sheptitsky it is said that the priest places the lighted candle in the infant's hands or his sponsors' (after reading Psalm 31.7-8), with the words: „Receive this lighted candle and strive through all thy life to be illumined by the light of faith and good deeds, in order that when the Lord doth come, thou mayest go forth with thy light to meet Him with all the Saints, and enter unhindered into the habitation of His heavenly glory, and reign with Him through endless ages. Amen“.

(To be concluded).

Послѣдствія Брестской уніи.

11 Мая с. г. исполнилось ровно 25 лѣтъ съ того времени, какъ послѣдніе уніаты въ Россіи, отцы и дѣды которыхъ 300 лѣтъ тому назадъ «насиліемъ и лестію» были отторгнуты отъ своей исконной православной церкви, опять возвратились въ ея материнское лоно и уніа въ предѣлахъ Россіи фактически прекратила свое существованіе. Вспоминая это событіе и вознося Господу Богу благодаренія за него и моленія объ утвержденіи въ вѣрѣ обратившихся, мы не должны, однако, забывать, что за предѣлами православной Россіи осталось еще очень много уніатовъ. По отношенію къ нимъ нашъ долгъ—молить Всевышняго объ обращеніи ихъ на путь истины, къ правой прадѣльной вѣрѣ и церкви. И эта молитва наша будетъ молитвой отъ всего сердца, молитвой искренней и горячей, если мы ясно представимъ себѣ ту массу зла, какую принесла и до сихъ поръ приноситъ уніа.

Исторія Брестской уніи вкратцѣ такова.

Польша издревле стремилась присоединить къ себѣ Литву и вообще южно-и западно-русскій край. Официально это удалось ей сдѣлать въ 1569 г., на Люблинской, такъ назы-

ваемой «гражданской», уніи. Но эта уніа дала Польшѣ только внѣшнее объединеніе ея старыхъ и новыхъ—католиковъ и православныхъ—подданныхъ. Такое объединеніе не было полнымъ, а потому и прочнымъ. Послѣднее возможно только при существованіи духовной, внутренней связи между людьми. Такую связь задумала Польша дать своимъ подданнымъ, давъ имъ одну вѣру, ибо извѣстно, что ничто такъ тѣсно и прочно не связываетъ людей, какъ единство ихъ вѣры. Такой вѣрой, долженствовавшей вполне и навсегда объединить ея подданныхъ, Польша, избрала, разумѣется, римокатолицизмъ, а средствомъ, которое постепенно и незамѣтно должно было приводить къ нему упорныхъ въ своей вѣрѣ православныхъ, избрана была уніа, которая и заключена была Римомъ съ православною церковью края въ 1596 г. въ г. Брестѣ. Такимъ образомъ, Брестская уніа преслѣдовала чисто политическія цѣли, хотя несомнѣнно и то, что за этими видимыми цѣлями крылась и закулисная работа іезуитовъ *ad maiorem gloriam...* папы. Ими это коварное средство для окатоличенія—ополяченія православныхъ и подсказано было Польшѣ.

Итакъ, Брестская уніа, по своимъ цѣлямъ, должна была объединить съ Польшей южно-русскій народъ, и тѣмъ усилить ее, и—способствовать славѣ Божіей, приумноживъ католическую церковь. Достигнуты ли эти цѣли создателями уніи? Нѣтъ. вмѣсто ожидаемаго объединенія она разъединила единокровныя племена и поселила между ними вражду; вмѣсто усиленія она привела Польшу къ гибели; вмѣсто славы легла позоромъ на Римъ и очень мало увеличила ряды его адептовъ, а народу русскому принесла массу неисчислимыхъ бѣдъ! Посмотримъ, такъ ли это.

Создавъ уніатовъ, Польша тѣмъ самымъ прибавила къ двумъ разъединеннымъ своими исповѣданіями группамъ своихъ подданныхъ еще третью, одинаково далекую какъ отъ католицизма, такъ и отъ православія. Уже это одно

шло въ разрѣзъ съ объединительными цѣлями уніи. Но этого еще мало. Православные очень неохотно шли на измышленный для нихъ мостъ уніи. Для того, чтобы привлечь ихъ на него, Польша должна была прибѣгать къ насиліямъ. А насилія ожесточили обѣ стороны, поселили между ними вражду и довели ихъ до кровавыхъ столкновений. Непрерывный въ теченіе вѣковъ рядъ страшныхъ гонений на православныхъ за ихъ вѣру со стороны Польши и такой же рядъ кровавыхъ возстаній со стороны православныхъ, однимъ словомъ, постоянная внутренняя религіозная война въ Польшѣ—вотъ прямой результатъ уніи. А что эта война вызвана была вопросомъ именно вѣроисповѣднымъ и велась за вѣру, это несомнѣнно. Вотъ что, на примѣръ, писалъ къ русскому царю по поводу этой борьбы одинъ изъ вождей ея въ станѣ православныхъ—Богданъ Хмѣльницкій: «причиною, побудившею казаковъ возстать на ляховъ, было не то, что ляхи несправедливо отбирали у насъ поселенія и дома, не то, что лишали насъ земной отчизны, и не то, что отягощали немилостиво работами подобно Фараону, все это не отказались бы терпѣть казаки, но то, что ляхи принуждали отказать отъ православныхъ догматовъ и присоединиться къ заблужденію (къ уніи)». Тѣ же рѣчи слышимъ мы и изъ устъ другихъ борцовъ за православіе: преподобномученика Аѳанасія Брестскаго, мученическою смертію завершившаго свое исповѣданіе православія, Епископовъ Виктора Садковскаго и Георгія Конисскаго, много терпѣвшихъ за непринятіе уніи, и др.

Чѣмъ дальше шла эта борьба, тѣмъ больше ожесточались борющіеся и тѣмъ шире становилась пропасть между ними. Объ объединеніи тутъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи, и Польша, раздѣдаемая этой внутренней извой, приведена была ею къ гибели. Какъ царство, раздѣлившееся на ся, она сама собою распалась на части, и Европа только воспользовалась этимъ положеніемъ ея, подѣливъ эти части между

собою. Стремленія Польши съ помощію уніи расширить свои границы «отъ моря до моря» вызываютъ теперь только улыбку сожалѣнія... Не лучше ли было бы для нея, если бы этой злосчастной уніи никогда не было?!..

Сколько несчастія, сколько страданій принесла унія русскому народу, это отчасти видно уже и изъ того, что мы говорили выше. Съ первыхъ же дней своихъ она внесла въ среду его разьединеніе, поселила между единокровными племенами кровавую вражду и ненависть. До чего дошла эта ненависть, лучше всякихъ словъ говорятъ жестокости казацкихъ возстаній. О ней же говорить о томъ фактъ, что нѣкогда почтенное слово лехъ или ляхъ стало теперь въ юго-западной Руси почти браннымъ, ненавистнымъ. Даже въ недавнія времена, въ 60 хъ годахъ, во время усмиренія польскаго мятежа въ Россіи, сказалось это порожденіе уніи: русское правительство должно было силою сдерживать въ южно руссахъ жестока проявленія вражды ихъ къ Польшѣ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ Россіи великороссы легче уживаются съ поляками, чѣмъ малороссы. Причина этого—несомнѣнно тотъ религіозный гнетъ, какой терпѣли нѣкогда предки послѣднихъ отъ поляковъ, и порожденная имъ ненависть къ нимъ. Это кровь отцовъ, пролитая за вѣру, сказывается въ потомкахъ..

Отголоски этой вражды мы видимъ и въ наши дни, здѣсь, въ Америкѣ, — во взаимныхъ отношеніяхъ между собою русскихъ уніатовъ и православныхъ. Вражда эта сказывается въ нескончаемыхъ распряхъ между ними, въ постоянныхъ издѣвательствахъ другъ надъ другомъ, въ вѣчномъ стремленіи во всемъ и вездѣ, даже въ самыхъ добрыхъ дѣлахъ и начинаніяхъ, вредить другъ другу, и т. д. Нерѣдко она доводитъ ихъ—не только простецовъ, но и людей сравнительно интеллигентныхъ,—даже до потери разсудка, простого и здраваго смысла, не только совѣсти или чести. Особенно отличаются этой враждебностью уніаты,—разумѣется, по отношенію къ сво-

имъ перешедшимъ въ православіе землякамъ.

Этотъ результатъ уніи казался одинаково какъ на тѣхъ, кто ее принялъ, такъ и на тѣхъ, кто остался твердымъ въ вѣрѣ отцовъ. Одинаково же претерпѣли и одни и другіе и тѣ жестоко-сти, съ какими унія пропагандировалась между ними католиками, одинаково проливали изъ-за этой пропаганды и слезы и кровь: ставшіе уніатами много бѣдъ претерпѣли отъ поляковъ прежде, чѣмъ рѣшились на эту измѣну вѣрѣ отцовъ; оставшіеся православными еще больше должны были вынести за свою твердость въ этой вѣрѣ. Эти же стокости кровью записаны на страницахъ исторіи. Но этимъ зло уніи не ограничилось. И уніатамъ и православнымъ западно-руссамъ она принесла и несетъ еще много и другихъ бѣдъ.

Возьмемъ уніатовъ. Первые поколѣнія ихъ, тѣ, что впервые отреклись отъ православія, сказали мы: купили это отреченіе дорогою цѣной тяжелыхъ и физическихъ и нравственныхъ мукъ. Что же дало имъ взамѣнъ этого ихъ отреченіе? Православные отъ нихъ отвернулись, какъ отъ измѣнниковъ и предателей, и это презрѣніе родныхъ людей несомнѣнно тяжелымъ гнетомъ легло на ихъ душу. Для католиковъ они тоже не стали своими, а были какими то «недовѣрками», «межеумками». По поговоркѣ, они «отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали». Въ этомъ положеніи ихъ, можетъ быть, всего болѣе и оправдывается данное уніи названіе «моста» отъ православія къ католичеству. Трудность и мучительность такого положенія понятна сама собою. Но она еще усиливалась тѣмъ, что, измѣнивъ вѣрѣ отцовъ, уніаты не извлекли изъ этого никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Изъ положенія «быдла» въ царствѣ пановъ и подпанковъ они, разумѣется, не вышли, и социальное и матеріальное положеніе ихъ, осталось, какъ и до уніи было, крайне тяжелымъ. Прибавилось къ нему еще только чувство внутренняго недовольства собою, своей измѣной. И какъ знать: не здѣсь ли источникъ той легкости, того безстыдства, съ какими мно-

гіе изъ нихъ часто идутъ противъ совѣсти, чести, стыда,—противъ всего, что считается самымъ дорогимъ достояніемъ человѣка? Не сознательная ли это отчаянность человѣка, который самого себя презираетъ?

Для слѣдующихъ поколѣній уніатовъ унія сказалась, и нынѣ сказывается, еще большими бѣдами. Потеря ими вѣроисповѣдныхъ связей съ русскимъ народомъ неминуемо должна была привести ихъ, и дѣйствительно привела, къ потерѣ и племенного единства съ нимъ. Это тѣмъ легче должно было случиться, что погубившая Польшу унія бросила ихъ въ концѣ концовъ въ руки людей, которые совершенно чужды имъ по духу и народности и въ то же время не признаютъ ихъ и единовѣрцами своими. Здѣсь, въ Пруссіи, Германіи, Австро-Венгріи, они оказались буквально внѣ всякихъ связей, вѣроисповѣдныхъ, народныхъ и національныхъ. А къ этому присоединились еще и вполне сознательныя старанія свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ ихъ уничтожить въ нихъ связи съ русскимъ православнымъ народомъ, затемнить, а по возможности и совершенно вытравить въ нихъ даже сознаніе ихъ племенного единства съ нимъ, ополячить ихъ, мадьяризовать, словачить, онѣмечить и т. д. безъ конца. На этомъ пути новое духовное и свѣтское правительство ихъ вело и ведетъ упорную работу. И сопротивляться этой работѣ они не могли и не могутъ, какъ не можетъ оторванный отъ дерева листъ противустоять дуновенію вѣтра. Какъ этотъ листъ, они утратили свои жизненные силы и способность къ самоопредѣленію и мнутъ безъ цѣлей и смысла. Теперешнія шатанія уніатовъ—русскихъ, какъ въ Европѣ, такъ и здѣсь, въ Америкѣ, ихъ бросанія изъ стороны въ сторону въ поискахъ себѣ церкви, въ измышленіи для себя народнос и, къ которой бы они могли привязать себя, ихъ партійность и вѣчная борьба партійная—прямой результатъ и лучшее доказательство—иллюстрація этой ихъ беспочвенности, потери объединяющаго и связующаго цен-

тра, оставленныхъ имъ въ наслѣдіе Брестской уніей. Въ этомъ отношеніи далеко счастливѣе ихъ оказались тѣ собратья ихъ — уніаты, которые по раздѣлу Польши достались Россіи. И на нихъ сказались плоды уніи, и имъ пришлось не мало терпѣть отъ нея. Но они потомъ попали въ среду единоплеменниковъ и въ этой средѣ на время порванныя народныя связи опять заговорили въ нихъ, и это спасло ихъ и отъ уніи и отъ потери народности. Найдя свое отечество и вѣру отцовъ, они теперь всецѣло приобщились уже къ жизни русскаго народа, и время тѣхъ несчастныхъ скитаній, какими характеризуется жизнь Австро-Венгерскихъ и Американскихъ сородичей ихъ, уже прошло для нихъ безвозвратно.

Не менѣе тяжело было, и остается, положеніе и тѣхъ русскихъ, бывшихъ нѣкогда подъ властью Рѣчи Посполитой, которые оставались и остаются тверды въ православной вѣрѣ и не приняли уніи. Вынесши на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы за вѣру, они затѣмъ избавились отъ бѣды только въ той части своей, которая осталась послѣ раздѣла Польши въ предѣлахъ Россійскаго государства. Только эта часть ихъ и вздохнула свободно. Всѣ же остальные терпѣли и терпятъ доселѣ. Правда, съ наденіемъ Польши время борьбы съ оружіемъ въ рукахъ минуло для нихъ. Это несчастье, поглотивъ массу жертвъ, прошло. Но ни матеріальнаго, ни соціальнаго, ни нравственнаго положенія ихъ это не измѣнило. Незначительные по своей численности, отгѣспенные въ бѣднѣйшіе уголки родины, почти презираемые громаднымъ большинствомъ уніатовъ и католиковъ, угнетаемые инороднымъ и иновѣрнымъ правительствомъ, они влчатъ самую жалкую жизнь. Сознаніе народности въ нихъ еще не вытравлено, тяготѣніе къ родной Россіи, не смотря на всѣ попытки католическаго духовенства и правительства уничтожить его, проявляется, но дѣйствительныя связи съ нею для нихъ невозможны. Даже рѣчи о нихъ стоятъ имъ не малыхъ жертвъ... Нѣсколько облегчается для нихъ это положе-

ніе только здѣсь, въ Америкѣ, такъ какъ здѣсь они уравниваются съ уніатами по крайней мѣрѣ въ экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Но и здѣсь плоды злосчастной уніи не даютъ имъ покоя: уніатская клика всѣми мѣрами старается изводить ихъ...

Остается еще спросить: принесла ли уніа какую нибудь пользу измыслившему ее католичеству? На этотъ вопросъ исторія даетъ тоже отрицательный отвѣтъ. Вѣдь, уніа не католицизмъ, а, по заявленію самихъ же католиковъ, только «мостъ» къ нему. Значить, уніаты и не представляютъ собою приобрѣтенія для Рима, не увеличиваютъ собою его adeptовъ. Недаромъ же здѣсь, въ Америкѣ, сами католическіе бискупы отрекаются отъ нихъ, не признаютъ юрисдикціи ихъ священниковъ, а ихъ самихъ своими чадами духовными. Потребовалось не мало настойчивыхъ увѣщаній папы, чтобы склонить ихъ къ перемѣнѣ этого взгляда. Скажутъ, пожалуй, что такъ оно и должно быть, что уніа только постепенно должна приводить людей къ католичеству. Но приводила ли и приводит ли она ихъ къ нему? Вотъ уже три вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась на свѣтъ Божій Брестская уніа, а много ли уніатовъ стало католиками? Правда, въ настоящее время уніаты мало чѣмъ отличаются отъ католиковъ, свой православный богослужебный обрядъ — единственное, что было оставлено имъ католиками изъ ихъ прежняго православія, — этотъ обрядъ они исказили уже почти совершенно, но въ своемъ собственномъ сознаніи они всетаки не католики, а уніаты, и даже не уніаты, а православные, греко-католики, и римо-католиками никогда признать себя не согласятся. Да и въ этомъ настоящемъ положеніи своемъ они остаются только до тѣхъ поръ, пока имъ не станетъ ясенъ тотъ обманъ, какимъ обошелъ ихъ Римъ. А разъ онъ имъ открывается, они безъ колебаній возвращаются въ лоно своей исконной православной церкви. На родинѣ, при подавляющемъ большинствѣ обманывающихъ ихъ, обманъ этотъ,

ложное положеніе свое имъ не легко сознать. Но въ Россіи, напр., они сознали его очень скоро. Сравнительно легко дается имъ это сознание и въ Америкѣ. И число возвратившихся къ православію въ общемъ уже очень не мало. Но настанетъ, несомнѣнно, время, когда и весь нынѣ уніей разрозненный русскій народъ станетъ «единѣми усты и единѣмъ сердцемъ» славить Бога. Кровь православныхъ русскихъ отцовъ скажется въ окатоличенныхъ и утратившихъ сознание своей народности потомкахъ и вновь объединитъ ихъ отцовской вѣрой въ великую русскую семью. Современныя исканія и шатанія уніатовъ, постоянныя вѣроисповѣдныя нестроенія въ ихъ средѣ показываютъ, что язва уніи уже назрѣла и что время это уже недалеко.

Но не давъ, такимъ образомъ, почти никакого приобрѣтенія Риму, унія легла на его исторію позорнымъ пятномъ. Нечистыя побужденія, радѣніе о славѣ и власти человеческой, а не Божіей, разъединеніе родственныхъ племенъ, внесеніе въ ихъ отношенія вражды и ненависти, а въ ихъ жизнь массы бѣдъ и несчастій, — вотъ какими чертами характеризуется исторія возникновенія и проведенія въ жизнь Брестской уніи. Развѣ къ славѣ Рима служатъ онѣ? Нѣтъ, въ исторіи католичества эта унія навѣки останется такимъ же мрачнымъ, кровавымъ, позорящимъ ее пятномъ, какъ инквизиція, Вареоломѣвскія ночи, и т. д. Только на основаніи такихъ миссіонерскихъ опытовъ католицизма, противящіеся христіанству язычники, отождествляя католицизмъ со всѣмъ христіанствомъ вообще, могутъ говорить, что въ своей проповѣди христіане преслѣдуютъ земныя цѣли, дѣйствуютъ нечестно, обманомъ и насиліемъ, и т. д.

Итакъ, никому и никакой пользы унія не принесла. Напротивъ, и Польшѣ и русскому народу, входившему въ ея составъ, она принесла и до сихъ поръ несетъ съ собой только неизмѣримую бездну зла. Какъ же, послѣ этого, не благодарить намъ Господа за совершавшіяся и совершающіяся обращенія изъ уніи

въ православіе! Какъ не молить Его отъ всей души объ обращеніи на путь правый тѣхъ единоплеменниковъ нашихъ, которые еще доселѣ несутъ на себѣ всю тяжесть ея! И вѣримъ, что Господь услышитъ эти молитвы чадъ своихъ. Не даромъ св. Аѳанасій Брестскій, терпѣвшій мученія и обезглавленный (въ 1648 г.) за непринятіе уніи, изрекъ предъ своею мученическою кончиною: *«Въ городѣ Брестѣ, гдѣ тѣло сіе, изреченное и оструженное за имя Божіе, положено будетъ, тамъ и въ окрестныхъ мѣстахъ церковь православная процвѣтетъ, яко кринъ посреди тернія, и яко искра, въ пеклѣ зарытая, явится, возсіяетъ и повсюду освѣтитъ»*. По отношенію къ Бресту, гдѣ почиваетъ тѣло преподобнаго, и его окрестнымъ мѣстамъ это пророчество уже исполнилось. Вѣримъ и надѣемся, что православіе не замедлитъ и повсюду возсіяетъ для ходящихъ во тьмѣ уніи русскихъ людей, — своимъ свѣтомъ ихъ освѣтитъ и среди нихъ процвѣтетъ ..

Брестская унія въ освѣщеніи русскаго уніата.

На насъ въ Галиціи напирають со всѣхъ сторонъ, чтобы уничтожить все намъ дорогое и направить насъ въ объятія латинства. Это суцая правда. Въ Галичинѣ полонизація народа и уніатской церкви поступаетъ зкорымъ шагомъ. Въ монастыряхъ, когда то русскихъ, шатаются нынѣ, какъ злыя тѣни съ рожанцами у черныхъ рясахъ, худощавые іезуитскіе воспитанники. Трираменные кресты, не дававшіе издавна покоя польскимъ политикамъ, устранины. Поставить сегодня поселянинъ, знающій лучше интеллигенціи хранить святыни своего дѣда, прадѣда, трираменный крестъ, — то по повелѣнію свыше отказываютъ ему въ благословеніи, и крестъ остается въ угоду шовинистамъ неблагословеннымъ. Кажется не далеко время, когда за сооруженіе креста подобно выборамъ

станутъ заключать въ „Иванову хату”. Отъ устройства церкви и богослуженія нельзя уже больше требовать. Тутъ такія безобразія, что всякій уніатскій священникъ не только составляетъ для себя особенный типиконъ, но многіе изъ нихъ давно уже по всѣмъ правиламъ перевели и унію въ латинство. Иконостасы мало по малу исчезаютъ, за то церковныя деньги идутъ на монстранціи, латинскія хоругви, иконы, кресты и тому подобное. Въ богослуженіи еще болѣе тьмы и незнанія. Видя на литургіяхъ припаданія на одно колѣно, частыя переносенія литургикона, а къ тому еще послѣ литургіи отпустовыя молитвы съ всеобщимъ колѣнопреклоненіемъ, затѣмъ супликаціи или даже Те-Deum (оно переведено въ уніатскихъ литургиконахъ на русскій текстъ), русскій человекъ забываетъ, что находится въ своей церкви. А обнажать другія раны этой несчастной калѣки уніи, не хватитъ у русскаго человека и чувства. И на кого же тутъ падаетъ первая и главная вина! Отвѣтимъ всѣмъ, что исходная точка всей бѣды это верховодители, это іерархія. Да, оно безспорно такъ и есть. Отъ высшей духовной іерархіи зависитъ устраненіе зла и совѣстное веденіе дѣлъ уніатской церкви. Высшая іерархія обязана передъ Богомъ и своимъ народомъ исполнять возложенныя на нее задачи. Но такое предположеніе въ настоящую пору или неосуществимая мечта или просто иронія. Уніатская іерархія представляетъ собой развѣ известную экспозитуру. Тамъ сегодня издаются указы противъ русскихъ изданій; тамъ подтверждаются фонетическія изданія молитвенниковъ и св. писанія, тамъ держатся тайныя засѣданія съ мірскими политиками для введенія безбрачія духовенства или закрытія семинарій, а при такихъ огромныхъ хлопотахъ нѣтъ и времени на истинныя и богоугодныя дѣла въ пользу русской церкви и народа. вмѣсто

того, чтобы исправить несчастное положеніе уніатской церкви, ея ошибки и заблужденія, у насъ созываются уніатскіе синоды. А недавніе синоды въ Львовѣ доказали ясно, куда стремятся и гдѣ расходятся главныя дороги.

Не постановленій соборовъ въ Брестѣ или Замостьѣ о свободѣ русскаго обряда придерживалась іерархія,—а стремленіемъ ея на Львовскомъ синодѣ было принудить лучшую часть духовенства къ соглашенію на дальнѣйшее, а можетъ быть окончательное переведеніе уніи въ латинство.

Но не малая часть вины, какъ это выше и доказано, падаетъ на насъ самихъ. А эта вина состоитъ во-первыхъ въ безхарактерности, въ недостаткѣ достоинства и совѣсти у той части интеллигенціи, которая своей измѣной продала и дальше торгуетъ народными святынями. „Но помните вы, злые люди, проклять всякъ, открывающій наготу своей матери. Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ мсей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій”. („Ѳринось”. Мелетій Смо- трицкій).

Во-вторыхъ дальшая и не меньшая часть вины состоитъ въ невѣжествѣ, въ апатіи или крайнемъ бездѣйствіи большаго числа русской интеллигенціи. А невѣжество или бездѣйствіе это грубые пороки, могущіе со временемъ разрушить и найздоровшій организмъ.

И удивительно ли, что наша интеллигенція такъ холодно или безучастно относится ко всему. Никто не требуетъ отъ нея невозможнаго, а только образумленія, немножко совѣсти и пониманія цѣлей нашей церковной и народной идеи. Правда, мы привыкли смотрѣть, не поможетъ ли намъ кто выкарабкаться изъ грязи и пропасти. Или можетъ быть, настоящій католическій синодъ въ Львовѣ, на которомъ участвуютъ „свои люди”, или частныя

поѣздки въ Римъ готовы улучшить недолю поруганной матери?

Нѣтъ. Не въ католическихъ соборахъ или канцеляріяхъ Ледоховскихъ, — гдѣ только куются крамолы, чтобы уничтожить уніатовъ, — наше прибіжище, а въ насъ самихъ лежитъ охрана всѣхъ недобитковъ православія.

Духъ рабства, невѣжества и гордости впустилъ глубокіе корни въ нашу среду. Все плохое принимается у насъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, а родное потоптано или искажено. Таково состояніе и цѣлаго нашего русскаго общества. И потому то можно поставить слѣдующіе выводы:

Наша интеллигенція должна соединиться къ отпору противъ латинства и полонизаціи. А чтобы это осуществилось, нужно ей во-первыхъ истинной любви и преданности къ своей церкви и народности. Пока нашъ образованный классъ будетъ только индифферентно смотрѣть на православіе, а вмѣсто того безотчетно принимать чужія странности, тогда духовное наше отстояніе отъ правды дойдетъ до невозможности. Любозъ, умъ, образованіе пускай будутъ намъ основаніемъ для достиженія нашихъ цѣлей. Прочь всякая гордость и невѣжество! Долой безхарактерность и маккиавелизмъ, — а здоровое сѣмя Христовой науки пусть оплодотворитъ насъ!

Еще не погибла совершенно въ насъ добродѣтель, еще тлѣетъ въ насъ искра любви и благодарности, чтобы не оставить на произволъ завѣщанный намъ драгоценный, народный кладъ. А этотъ кладъ — то наша вѣра, азбука, добрый, но бѣдный русскій людъ. Не дадимъ вырвать себѣ тѣхъ драгоценностей, а будемъ достойными ихъ сберегателями. Оставимъ другимъ обильныя трапезы, ненужный шумъ и блескъ, которымъ хотятъ заслонить наготу своей матери, а тихо и законно съ закаленной душой и сердцемъ сплотимся къ борьбѣ, которая несомнѣнно надъ нами раз-

разится въ недалекомъ будущемъ. Не дадимъ отрѣзать ни малѣйшей вѣтви отъ могучаго народнаго дерева, охраняющаго и всякаго нищаго предъ грозой и гибелью. А чтобы это послѣдовало, намъ нужно соединиться къ отпору противъ всякихъ посягательствъ и къ устраненію изъ нашего общества слѣпоты духа и раболѣпія. И пускай соединить насъ не злоба или оружіе коварства и лести въ отношеніи къ нашимъ недругамъ, — а добродѣтели: вѣра въ свою церковь и неложная любовь къ народу. Тѣ добродѣтели пускай будутъ намъ оружіемъ, котораго не сокрушатъ ни заманчивые пиры, ни блескъ, ни насиліе. Эту любовь можетъ намъ дать учение Христа, проповѣдуемое и сохраненное въ его полной чистотѣ восточной церковью. Восточная церковь не знала и не знаетъ раболѣпія или высокомерія, а напротивъ она олицетворяетъ собою добрую мать, не знающую разницы между бѣднымъ и богатымъ, мужикомъ и паномъ, и охраняющую всѣхъ одинаковою опекой и любовью. Если мы вникнемъ ближе, если познаемъ цѣну родной вѣры и церкви, то не только уничтожимъ измѣну и привитую демократизацію, но станемъ любить своего меньшаго брата не по рецепту шумнаго запада, а дѣломъ и цѣлымъ сердцемъ.

Крайняя пора отвернуться отъ безутѣшнаго минувшаго и настоящаго, а вступить на путь ясности и откровенности. Туманы, затемнившіе въ послѣднее время нашъ умъ, совѣсть и характеръ, разсѣются, коль скоро пронизетъ ихъ ясный лучъ правды и самоотверженія въ пользу жаждущихъ и оставленныхъ массъ.

Назадъ къ церкви, еще ближе къ народу! Совѣстное пониманіе святыхъ цѣлей Руси и явныя дѣла да оправдаютъ насъ передъ лицомъ исторіи и восточной церкви за нашу дотеперешнюю духовную немощъ и ничтожество.

Уніать.

(«Холмско-Варш. Епарх. Вѣстникъ».)

Извѣстія и Замѣтки.

Изъ жизни нашей миссіи.

6-го мая въ 2 ч. по полудни Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Тихонъ, Епископъ Алеутскій и Сѣверо-Американскій, отбылъ на пароходъ Сѣверной Коммерческой Компаніи «Гомеръ» на Аляску, для обозрѣнія дальнихъ приходоу и миссій Епархіи. Проводить Владыку въ дальній путь собрались члены Духовнаго Правленія, причтъ Собора и много народа изъ прихожанъ. Когда «Гомеръ» отчалилъ отъ берега, собравшимися было дружно пропѣто «ис полла эти деспота», на что Владыка отвѣтствовалъ Архіерейскимъ благословеніемъ всѣмъ провожавшимъ. Пѣніе не умолкало пока пароходъ не скрылся. «Ис полла эти деспота» смѣнялось русскимъ великимъ многолѣтіемъ и «Да возрадуется душа Твоя»... Прощаніе наше съ Владыкой заинтересовало многихъ проходившихъ и вокругъ насъ собралась большая толпа американцевъ, съ удовольствіемъ слушавшихъ наше стройное пѣніе на берегу залива и наблюдавшихъ, какъ православный Архіерей благословлялъ своихъ духовныхъ чадъ...

На сей разъ Владыка не изволилъ взять себѣ никого въ спутники и отправился одинъ, а между тѣмъ путешествіе предстоитъ ему очень трудное. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, Его Преосвященству благоугодно будетъ посѣтить на сей разъ Кусковимскую миссію. Миссія эта была основана бывшимъ Архипастыремъ Алеутскимъ, Преосвященнѣйшимъ Николаемъ, нынѣ Епископомъ Таврическимъ. Какъ самая младшая въ епархіи, она особенно нуждается въ Архипастырскомъ посѣщеніи. Такъ какъ единственнымъ способомъ сообщенія въ этой миссіи является ѣзда на собакахъ, и то только въ зимнее время, то Владыкѣ предстоитъ теперь, лѣтомъ, перенести всѣ трудности путника—пѣшехода по болотистымъ тундрамъ, а въ особенно затруднительныхъ случаяхъ придется ввѣрять себя искусству носильщиковъ... Отсутствіе какихъ бы то ни было путей сообщенія въ лѣтнее время въ этой миссіи препятствовало прежде бывшимъ Архипастырямъ посѣтить этотъ уголокъ епархіи. Но нужда благоустроить Кусковимскую миссію побуждаетъ Преосвященнѣйшаго Тихона перенести всѣ эти трудности. Поддержкой и утѣшеніемъ ему да послужатъ молитвы обширнѣйшей его Сѣверо-Американско паствы. Гдѣ бы ни былъ Архипастырь: на дальнемъ ли Сѣверѣ или подъ зноемъ палящаго тропическаго солнца, молитвы духовныхъ чадъ его непрестанно возносятся о мирномъ и благополучномъ возвращеніи его...

Своими молитвами и благожеланіями не преминуло нацѣтовать Владыку, своего Почетнаго Покровителя и, можно сказать, Основателя, и наше соревновательное Об-

NEWS AND NOTES.

OLD CATHOLICISM IN RUSSIA.

General A. A. Kireyef, the well-known authority on Old-Catholicism, published last year a pamphlet in which, among other things, he pointed out the profit we Russians might derive from cooperation with the Old Catholics in our conflict with Rome, the common foe, and the undoubted advantage which the installation of Old-Catholicism in the midst of the Roman and romanized population of Poland, and especially of the Western Provinces, would be to us. This pamphlet was met by strong objections. General Kireyef's opponents asserted that any approach to friendliness with the Old-Catholics, and especially the installation of them in the Western Provinces, was fraught with danger; that we cannot master them as it is, and what can we expect if we permit Old-Catholic communities to organize in that portion of our empire, but troubles and perturbations? General Kireyef replies to these objections as follows (in the „*Novoye Vremia*” of April 20-th—May 3-d—of the current year):

„It is evident that we have not yet comprehended what Roman Catholicism really is—or rather the Pope—if we imagine that he can in any way be conciliated, pacified, talked into graciousness. It is clear that we have not realized even yet that the Roman Curia's fight against all followers of other faiths, all non-papist Christians, (and consequently against us), has nothing to do with the personality or feelings of this or the other Pope, with his martial or peace-loving disposition. No; this conflict, its necessity, has its roots in the very essence of the papacy; it is the inevitable, fatal product of the Roman theory that all Christians are subject to the Pope, and therefore all those that do not recognize him as their head and the vicar of Christ are nothing but revolted subjects, rebels, and to make war on them becomes the duty of every good Catholic. It is in this sense that the oath is composed, which Roman Catholic Bishops have to take at their consecration. Rome has repeatedly given expression to this view, and that very openly and solemnly. Indeed it is quite natural, quite logical: the higher the power, the more sacred it is, and therefore the more impardonable all resistance. And the Pope, remember, is not merely the first among bishops—he is the „Vice-God”. This identical expression is often met with in the ultramontane press, more particularly the Italian. What then does he deserve who rebels against God?.. Let us now return to the advocates of „peaceable” relations with the Pope.

„There was given in Germany last year an operette, entitled „the Merry War”. Both parties conduct themselves most pacifically, avoid all ticklish questions, do not „irritate” or „anger” each other. Yet they are at war: every day, at noon, they exchange one shot with blank cartridges. Of course everybody is in high good humor, nobody is angry or gets excited, and everything

щество. Наканунѣ отпѣтя Владыки, въ 8 ч. вечера, для него былъ совершенъ напутственный молебенъ, за которымъ присутствовало, кромѣ другихъ молящихся, и упомянутое Общество въ полномъ своемъ составѣ. Послѣ молебна, протодіакономъ было возглашено многолѣтіе Святѣйшему Синоду и Преосвященнѣйшему Тихону, Епископу Алеутскому и Сѣверо Американскому, а Его Преосвященство изволилъ возгласить многолѣтіе «православному женскому соревновательному Обществу». Послѣ сего члены Общества собрались въ залъ Его Преосвященства, чтобы проститься съ нимъ, выслушать Его наставленія и принять благословеніе на дальнѣйшую дѣятельность. Въ знакъ признательности къ своему Покровителю, Обществомъ была поднесена Его Преосвященству большая корзина, искусно украшенная роскошными цвѣтами и перевитая лентой, на которой красовались инициалы Общества: L.O.E.S. (Ladies Orthodox Endeavor Society). Поднося Владыкѣ отъ имени Общества цвѣты, Г-жа Митропольская сказала между прочимъ:

«Ваше Преосвященство!

Существованіе нашего Общества неразрывно связано съ именемъ Вашего Преосвященства. Принося искреннюю благодарность Вашему Преосвященству за свое возрожденіе, Общество покорнѣе проситъ Васъ, какъ своего Покровителя, принять это подношеніе въ знакъ признательности за то вниманіе, какое Ваше Преосвященство изволите высказывать ему, и желаетъ Вамъ скорого и благополучнаго возвращенія».

Принявъ подношеніе, Владыка изволилъ благодарить Общество за участіе въ молитвѣ и благожеланія и просилъ и впредь не оставлять его своими молитвами. При семъ Его Преосвященству благоугодно было указать на плодотворную дѣятельность Общества и выразить надежду, что Общество и впредь не ослабѣетъ въ своемъ усердіи къ нуждамъ храма Божія. Прощальныя слова Владыки, обращенныя къ Обществу, позволяютъ намъ коснуться вкратцѣ дѣятельности послѣдняго. Общество основано только 6 марта, а между тѣмъ успѣхи дѣятельности его очень замѣтны. Все, что начертано было ему Архипастыремъ при его основаніи, все это выполняется съ похвалою. Общество растетъ въ количествѣ своихъ членовъ, храмъ нашъ все болѣе благоукрашается, а главное, въ оный привлекается все большее и большее количество молящихся, а съ ними и жертвъ. Кто былъ въ кафедральномъ соборѣ за службами во дни св. Пасхи и предшествовавшихъ Великой Субботы и Пятка, тотъ убѣдился, какъ ревниво Общество заботится о благолѣпії своего храма. Хотя по издавна заведенному обычаю въ сіи дни нашъ храмъ всегда украшался, но въ настоящій разъ украшеніе его превосходило всѣ предыдущія. Весь храмъ утопалъ въ зелени и цвѣтахъ. Гробъ, на которомъ была возложена плащаница, былъ окру-

ends most happily. It is evidently my opponent's wish that we should follow the same line of conduct. Unfortunately the Roman Curia shows no inclination whatever to be content with blank cartridges, leaving that to us, while its own shots are well aimed and take effect thoroughly! The war which the Popes have waged against us for over a thousand years has been neither a „merry” nor a light one. The proofs are not far to seek: it is enough to compare the position occupied by Orthodox Christianity, say in the times of Photius, with that which it occupies to day to realize the heavy losses it has suffered.

„There was a time when it held the first place numerically; now it has receded to the third rank, and its flock is not equal even to half that of Rome, numbering less than 100 millions to Rome's 200 millions and more. Were it not time, then, to go to work in earnest and fire with something else than blank cartridges, to think of strengthening our efficiency in the war, without caring whether the Pope is angry or not?

„We are rather a careless lot, not over curious; so few among us have any idea of the energy with which this war against us is conducted, of the material resources which are expended on it. We read in the „Echos d'Orient” („Echoes from the East”), that 8.553 French nuns and 7.389 monks are working in the Catholic Missions in the East, with a budget of 6.030.233 francs, and 300 German nuns and about 1.000 monks with a budget of 1.971.107 francs *). And we must not forget that Italy, Spain and Catholic England are also actively engaged in missionary work.

„Quite lately Pope Leo XIII (see „Russian Orthodox Messenger” N 9) sent half a million francs to the Catholic Patriarch of the Copts, to be expended on the Catholic propaganda, which is making rapid strides in Africa, especially in the Alexandrian Patriarchate, formerly so glorious a seat of Orthodoxy, now containing a clergy of only 38 persons, with a flock scarcely exceeding in numbers a goodsized Russian dean's flock. The Austro-Hungarian government, obedient to the Roman Curia's bidding, is flooding with Jesuits Bosnia and Herzegovina, and partly even Macedon; the last traces of Orthodoxy are disappearing from amidst the Russian population of Galicia and Bukovina. But all these things do not seem to touch or interest us to any great degree! These instances, I should think, are sufficient to show that all these operations, inimical to Orthodoxy, are carried on systematically, cleverly and unswervingly, that all the threads are centred in Rome, and everything is done at Rome's behest: there is much truth in the simile which likens the organization of Roman Catholicism to a sword having its hilt in Rome and its blade everywhere... Yes; and the Pope does not inquire whether we like it or not, whether or no we are angry.

*) Of course this is not *all* spent on warring with us, the Orthodox Christians; much of it goes to the far East.

женъ изящнымъ балдахиномъ изъ цвѣтовъ и обставленъ громадными пальмами, и такими же пальмами былъ окруженъ и Архидіекой амвонъ. На противоположной входу стѣнѣ красовался искусно сдѣланный вензель съ надписью «Christ has risen», т. е. «Христосъ Воскресе». Подъ паникадилломъ плавно качался изящный колоколъ изъ цвѣтовъ; вездѣ стояли лиліи, розы и другіе цвѣты; стѣны и потолки были обвиты зеленью, которая повсюду спускалась роскошными гирляндами. Убраны были также и приемные покои Его Преосвященства, гдѣ Владыкою была предложена трапеза для разговѣнія. Сразу проявивъ столько заботъ о благоукрашеніи храма нашего, Общество даетъ намъ основаніе ожидать отъ него еще большаго въ будущемъ. Въ виду сего, Его Преосвященству было благоугодно высказать намѣреніе по возвращеніи съ Аляски, приступить къ болѣе капитальному украшенію храма, въ смыслѣ переустройства нѣкоторыхъ его частей. Въ настоящее время Общество занято увеличеніемъ своихъ средствъ для означенной цѣли и намѣрено устраивать семейные вечера, гулянья для дѣтей и т. д. Отъ души желаемъ ему въ этомъ успѣха, дабы по возвращеніи Владыки оно могло порадовать его своимъ преуспѣяніемъ. О. П.

К. П. Побѣдоносцевъ.

24 апрѣля с. г. исполнилось двадцать лѣтъ пребыванія въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и члена Комитета Министровъ, статсъ-секретаря, сенатора, члена Государственнаго Совѣта, Андреевскаго кавалера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Константина Петровича Побѣдоносцева.

Біографическія и служебныя данныя этого высокаго дѣятеля слѣдующія:

Дѣдъ его, Василій Степановичъ, былъ священникъ въ Москвѣ и скончался въ 1805 г. Отецъ его, Петръ Васильевичъ (1771—1843 гг.), былъ профессоромъ русской словесности въ Московскомъ университетѣ; подъ руководствомъ его воспитывалось много вельможъ первой четверти настоящаго столѣтія, жившихъ тогда въ Москвѣ.

К. П. Побѣдоносцевъ родился въ 1827 г. По окончаніи курса въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1846 г. съ чиномъ IX класса, онъ поступилъ на службу 15 іюня 1846 г. въ Московскіе Департаменты (7-й и 8-й) Правительствующаго Сената, занимая здѣсь послѣдовательно должности помощника секретаря и, наконецъ, оберъ-секретаря. Въ то же время К. П. Побѣдоносцевъ не прекращалъ своихъ научныхъ занятій, печатая свои труды въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Съ 1860 по 1865 годъ онъ занималъ кафедру гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ, а въ 1860 году былъ приглашенъ въ Петербургъ для преподаванія законовѣдѣнія Ихъ Императорскимъ Высочествомъ Великимъ

He is not afraid to „anger us even more.” To think that we can conciliate him by any concessions, bind him by any agreement or contract, is possible only to one very ill informed on the subject of Rome’s religious strategy. It is a recognized item of the Ultramontane theory that the Pope possesses the indisputable right to grant any man a dispensation from any oath—say a subject’s oath of allegiance to his sovereign; how much more, then, can he give himself a dispensation from any possible engagements and obligations! What are all the concordates worth to him, on which we so guilelessly rely?

„The author of the article” referred to asks: ‘Is the conflict with Rome necessary —(the conflict he accuses me of having „planned”).—Truly an idle question! Why, this conflict is going on, the Pope is waging it perseveringly and unceasingly; there is no need for „General Kireyef” to „plan” it; one must be blind not to see it ‘Is it prudent,’ the author goes on, ‘to create trouble in a country where what we need first of all is pacification of the spirits, in order to carry on the work of political amalgamation?’ This is indeed sheer blindness, tricked out in grandiloquent phrases! Why, where is the main cause of all the trouble if not in the confessional question as raised by Roman Catholicism? What need of „creating” what already exists?! The trouble has been „created” long ago,—not by us, but by Rome, since not we were the aggressors, but Rome. Who does not know the lamentable, the profoundly tragic story? The conflict began with Yagello’s apostacy,—the price which this once Orthodox Lithuanian Prince paid for the Polish crown and Yadviga’s hand: it was confirmed by the further apostacy of nearly the entire reigning house—Gedimin’s descendants, and of nearly the whole Russo-Lithuanian high nobility, and culminated in the treason of the highest Orthodox hierarchy, which sold itself and its flock to the Pope. (This transaction, concluded in 1596, is known as „the Union of Brest-Littau”).

„I repeat that Rome, not we, was the aggressor. We were forced to defend our ancient patrimony; Rome came creeping up to us in the East, till she crawled all over it! Rome has torn and is still tearing the Slavs of Austro-Hungary away from the Orthodox Church,—has introduced her faith into our Orthodox Western Provinces, is striving even now to romanize Russia proper (by leading astray, not without some success, sundry of our journalist-theologians), and is covering the Slavic countries delivered at the price of our blood, with the net of her open and secret missionaries work congregations, and associations... If this be not war, fighting for life and death—what is? There is nothing there for „General Kireyef” to „plan”; but neither is there any fear that the Pope may become „more embittered” and invent against us something even worse. Only those can think and talk thus who do not see farther than their own noses and their „papers”, and have no idea of what is

Князьямъ Николаю Александровичу, Александру Александровичу и Владиміру Александровичу.

Въ то же время К. П. Побѣдоносцевъ сопровождалъ Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича въ Его путешествіи по Россіи, которое онъ въ 1864 г. описалъ въ книгѣ *Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма*.

Съ 1862 г. по 1865 годъ онъ опять служилъ въ Московскихъ департаментахъ Сената, сначала въ 6 мѣ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ 2-го отдѣленія, а затѣмъ въ 8-мѣ, въ должности оберъ-прокурора департамента. Въ 1865 г., т. е. 35 лѣтъ тому назадъ, К. П. Побѣдоносцевъ перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ консултанціи Министерствъ Юстиціи, а затѣмъ призванъ къ присутствованію въ 2-мѣ департаментѣ Правительствующаго Сената. Въ томъ же году онъ былъ перемѣщенъ въ гражданскій кассационный департаментъ и въ 1872 г. занялъ постъ члена Государственнаго Совѣта, съ присутствіемъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ.

24 апрѣля 1880 года онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и членомъ Комитета Министровъ.

К. П. Побѣдоносцевъ участвовалъ въ многихъ коммисіяхъ; такъ, съ 1877 года онъ ежегодно назначался въ коммисію для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра Народнаго Просвѣщенія и, вѣкорѣ по преобразованіи верховной коммисіи, былъ назначенъ однимъ изъ ея членовъ.

Въ 1877 году, въ качествѣ члена, онъ принималъ участіе въ Комитетѣ для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ 2 главы 1 отдѣла Уложенія о Наказаніяхъ, а въ 1879 году былъ назначенъ членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ. Въ 1886 году онъ принималъ участіе въ трудахъ особой, подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, коммисіи для составленія проекта новаго положенія объ Императорской фамиліи, а 1 апрѣля 1894 года былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества.

Его заслуги государству уже давно оцѣнены. Что касается духовнаго вѣдомства, во главѣ котораго К. П. Побѣдоносцевъ стоитъ 20 лѣтъ, то время его управленія можетъ быть отмѣчено многими благодѣтельными мѣрами.

Благодаря трудамъ и заботамъ К. П. Побѣдоносцева, въ дѣлахъ нашего духовнаго управленія, возстановлены и вновь обазованы новые приходы, духовенство стало получать содержаніе отъ казны, оклады и пенсіи учебнаго персонала духовно-учебныхъ заведеній увеличились, широко распространились и возникаютъ вновь

going on in the world; but are not the others, the seeing ones, to think of placing the matter in the right light?

The question of our relations towards Poland and Lithuania is principally a confessional one: it runs, a blood-red thread, through the entire history of Poland and the Western Provinces. It dominates and accounts for the events of the last four centuries and for Poland's fall itself. Had our West remained Orthodox, it would also have remained Russian, and there would have been no Polish question, for the knot of it, the centre of gravitation is not at all in the lands along the Vistula, but in Kief and Vilna. The Polish patriots insist on their preposterous claim: the restoration of the boundaries of 1872 and of the Western Provinces with their 25 millions of purely Russian, Orthodox population, not only on the basis of the so-called historical right, of history "fixed up" after Lelevel and improved after Mickiewicz (Mitskevitch) and Dukhinsky, but also—indeed principally—because among the higher and middle-class there are some romanized Russians, Lithuanians and Latyshees. Therefore I repeat that, but for the miserable confessional dissensions, there would be no Polish question in the West. With the Poles, looked at as an ethnographical unit, we would have joined hands without any difficulty; but there is the fatal confessional question, the war, cruel and relentless, which the Pope is waging against us, and which is not limited by Russia's boundaries but spreads over the entire Orthodox East, of which, by the will of fate, we are the born representatives and champions,—and *that* stands athwart our road to the pacification of the spirits in our West—I meant real pacification not the official, hollow sham which my opponent would recommend. Can anybody doubt this? Russia is not only the leading Slavic power, but also the leading Orthodox power. On her, therefore, lies the glorious but onerous duty of fighting the chief old-time foe of Orthodoxy. But what are the results of the conflict? Undoubtedly unsatisfactory, as we have seen;—and why? Just because we are afraid of „angering the Pope still more" if we resort to the surest hostile move,—an alliance with Old-Catholicism and the other elements which, in the West, are inimical to the Pope.

No war which is merely and exclusively defensive can ever be successful, no matter how skilfully it is conducted: this is an incontrovertible axiom of strategy. The party which sticks only to self-defence will inevitably be defeated in the end. Many among us evidently do not understand this; but the great champion of Orthodoxy Photius, Patriarch of Constantinople, did understand it. He realized that the papacy must be fought on its own territory, at its own home, with the assistance of the West itself. When certain German bishops addressed to Photius complaints against the Pope, he at once took in the significance of the fact, and took advantage of it without delay. His were vast plans: to unite the two empires, of the East and West, in a common struggle

церковно-приходскія школы и школы грамоты, церковныя проповѣди оживились и стали сообразовываться съ потребностями прихожанъ, десятки тысячъ иновѣрцевъ присоединены къ православію; преобразовались С.-Петербургская и Московская Синодальная типографіи; книги священнаго писанія и религіозно-нравственнаго содержанія стали печататься въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Въ то же время К. П. Побѣдоносцевъ продолжалъ ученую и литературную дѣятельность. Репутація его, какъ одного изъ талантливыхъ цивилистовъ, зиждется на его *Курсъ Гражданскаго Права*, выдержавшемъ нѣсколько изданій и въ 1896 году появившемся въ четырехъ томахъ въ С.-Петербургѣ. Въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ К. П. Побѣдоносцевъ напечаталъ до 30-ти своихъ трудовъ,—оригинальныхъ и переводныхъ.

Великія заслуги К. П. Побѣдоносцева Престолу и Государству извѣстны всей Россіи. 15 мая 1896 года, по случаю 50-лѣтія государственной дѣятельности, К. П. Побѣдоносцевъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени, при Высочайшемъ Рескриптѣ, который заканчивался милостивыми словами:

«Сердечно желаю, чтобы Мвѣ дано было еще на много лѣтъ сохранить васъ въ числѣ ближайшихъ Моихъ совѣтниковъ».

К. П. Побѣдоносцевъ состоитъ почетнымъ членомъ больше чѣмъ 20-ти ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ обществъ и учреждений, въ томъ числѣ и Православнаго Общества Взаимопомощи въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ.

К. П. Побѣдоносцевъ состоитъ также почетнымъ гражданиномъ городовъ Сарапула и Тотьмы и членомъ Французскаго Института.

Онъ имѣетъ высшій орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, сербскій Св. Саввы 1 степени и черногорскій Данила 1 степени.

Памяти Д. М. Козарищука.

3/16 апрѣля въ г. Вѣнѣ скончался Даниилъ Михайловичъ Козарищукъ—издатель журнала «Наука». Издавая «Науку», почившій являлся непосредственнымъ преемникомъ всѣмъ извѣстнаго о. Наумовича, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ до самой кончины досточтимаго пастыря. Всѣ стремленія Даниила М-ча были направлены къ дѣлу просвѣщенія Галиціи и Буковины—умственного и нравственного, а равно и къ дѣлу подъема матеріальнаго благосостоянія этихъ странъ. Служа своимъ цѣлямъ при помощи издаваемаго имъ журнала, въ который онъ вложилъ всю свою душу, которымъ онъ жилъ и дышалъ и отъ изданія котораго не могъ отказаться, не смотря на свою сильнѣйшую физическую слабость, а также и на различ-

against Rome. He wrote to the Emperor Louis to ask his assistance in deposing the Pope; he informed the Roman clergy of the condemnation of Pope Nicholas by a council held in Constantinople. And had not Photius had to combat enemies at home, who were energetically and cleverly supported by the Pope, it is certain that he would have arrested for a long time, if not forever, the growth of the Roman Pontiff's illegal power, would at least have secured to the Orthodox safety for a long time against his attacks. I have lingered on these details in order to show that this is the way in which we too should fight Rome; that it behoves us too to look around and to find in the West itself reliable allies in the struggle against the common enemy. Nor have we far or long to seek. These allies are ready to our hand: they are the Old-Catholics. Old-Catholicism is the lever which can help us to shift the centre of gravity of this entire burning question from the West to the East—to deliver Western Slavdom from the Roman yoke,—tear asunder the link that binds it to the infallible „vice-God” of the West, and restore to it the religious and moral liberty which, once on a time, was brought to it by its apostolic teachers and prelates, the holy brothers Cyril and Methodius,— and all that without encroaching on its independence, or hindering its autonomous development!

„Yes; Old-Catholicism is our natural ally in our conflict with Rome, and our clever and experienced foe is very well aware of it—much better than we are, unfortunately. Keenly does he watch our movements, rejoicing at every blunder we make, at every obstacle raised on the way of our union with the Old-Catholics, whom the Holy Synod has so truly named the champions of Orthodoxy in the West. Unfortunately, not all see and understand all this; there still are among us not a few partisans of good-natured „caution and pacific prudence,” who are afraid that the Pope may get „still more angry.”

„But can we expect Poles, apparently so devoted to their Pope, to renounce him? Is not such an expectation utopian? To this question the best answer is given by facts. Did not a great portion of Lithuania and all Northern Poland renounce the Pope in the middle of the 16-th century and go over to Protestantism—indeed Socinianism? Does there not exist in America at this moment an Old-Catholic Church consisting of Poles, former Roman Catholics? Why should there not be one in Russia? Old-Catholicism is growing fast just now in Austria, supported, among other things by the so-called „movement away-from-Rome” („Los-von-Rom Bewegung”). It might easily enter into our boundaries. There is no doubt whatever, that there are many Poles among those who are Russian subjects, for whom religion has not only a political, but an ethical importance, and who feel burdened by the new dogma of papal infallibility; but they dare not move, because they see no issue to other religious aspirations in Russia. If so, who but ourselves ought to

Faint, illegible text on the left side of the page, likely bleed-through from the reverse side.

Additional faint, illegible text on the left side, continuing from the previous block.

THE HOUSE OF REPRESENTATIVES

Main body of faint, illegible text on the right side of the page, appearing to be a continuation of a document or report.

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія.

Департаментъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Вашингтонѣ обратился къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Тихону, Епископу Алеутскому и Сѣверо-Американскому, съ просьбой оказать возможное содѣйствіе Правительству при составленіи всеобщей переписи населенія Соединенныхъ Штатовъ, имѣющей начаться 14 іюня с. г.

Во исполненіе резолюціи Его Преосвященства по сему предмету, отъ 5—19 мая с. г. за № 354, Сѣверо-Американское Духовное Правленіе предлагаетъ причтамъ Алеутской епархіи выяснитъ ввѣреннымъ ихъ попеченію приходамъ значеніе и цѣль предпринимаемой Федеральнымъ Правительствомъ всеобщей переписи, не имѣющей ничего общаго съ увеличеніемъ какихъ бы то ни было налоговъ и повинностей, и содѣйствовать, по мѣрѣ надобности, Государственнымъ счетчикамъ къ доставленіи имъ свѣдѣній объ извѣстныхъ имъ лицахъ.

Награжденія:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоитъ награжденія за службу по епархіальному вѣдомству:

а) *орденомъ Св. Анны 2-й степени* — города Вилькесбарре, Успенской церкви протоіерея Алексія Товта.

б) *орденомъ Св. Анны 3-й степени* — Архангельскаго собора на о. Ситхѣ іеромонаха Антонія

Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества:

а) *камилавкою* — Вознесенской селенія Уналашки церкви священникъ Александръ Кедровскій;

б) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода съ грамотою* — Николаевской церкви на о. Атхѣ заштатный священникъ Василій Шишкинъ;

в) *благословеніемъ Святѣйшаго Синода безъ грамоты* — гор. Санъ-Франциско, кафедральнаго собора псаломщикъ Георгій Крассовъ.

Присоединенія:

Въ Нью-Йоркской Св. Николаевской церкви присоединены изъ іудейства: Америк. гражданинъ Іаковъ Моусеевъ Ньюманъ 30 л. (съ нареченіемъ ему имени Іаковъ), жена его Анна Павлова 29 лѣтъ (съ нареченіемъ имени Анна) и дочь ихъ Естзера 3 л. 7 м. (съ нареченіемъ ей имени Анастасія).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Американскій

Православный Вѣстникъ.“

„Russian Orthodox American Messenger“.

Подписка на Амер. Прав. Вѣстникъ принимается — въ Америкѣ: America, New York, City. 323 Second Avenue, Rev. Alexander Hotovitzky.

Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редація «Церковнаго Вѣстника» — для перевода въ Нью-Йоркъ.

СОДЕРЖАНІЕ: № 11. Въ недѣлю Пятидесятницы. — *On the Holy Sacraments of the Orthodox Church; by Bishop Hermogen.* — *Послѣдствія Брестской уніи — Брестская унія въ освѣщеніи русскаго уніата.* — *Извѣстія и замѣтки.* — *Оффиціальныи отдѣлъ.*

И. д. Редактора В. Туркевичъ.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.